

Шэнь Чжоую сидел на диване, углубившись в документы, когда поднял голову и увидел, как Су Линвэнь стремительно входит в дом, ведя за собой какого-то человека.

Не успел он даже поздороваться с матерью, как Су Линвэнь, не глядя в его сторону, распорядилась:

— Сяо Шэнь, не сиди без дела. Иди завари чай и приготовь поесть, у меня гость.

Шэнь Чжоую с бесстрастным лицом ответил:

— Мам, я не умею готовить. Может, сегодня обойдемся питательными смесями?

Су Линвэнь мягко произнесла:

— Неужели не понимаешь, что я хочу, чтобы ты ушел отсюда? Ты такой огромный, еще напугаешь ребенка.

Шэнь Чжоую посмотрел на Линь Тина и с намеком спросил:

— Где ты видишь ребенка?

Су Линвэнь обошла сына:

— Иди отсюда, правда. Долго ты еще собираешься в отпуске сидеть? Только раздражаешь. Вот, держи деньги, иди лучше с Се Сы и остальными в маджонг поиграй.

Конечно, Шэнь Чжоую давно вышел из того возраста, когда матери дают карманные деньги. Су Линвэнь просто чувствовала, что Линь Тину нужен отдых, безопасное и уютное место. А ее сын, хоть и выглядел вполне обычно и безобидно, на деле слишком долго провел на полях сражений. Его природная властность и аура убийцы были настолько сильны, что одно его присутствие давило на окружающих.

Су Линвэнь не хотела, чтобы Шэнь Чжоую оставался дома. Но тот, словно не понимая человеческой речи, застыл на месте, как телеграфный столб. Скрестив руки на груди, он проводил взглядом мать, которая отвела Линь Тина в гостевую комнату. Линь Тин даже растерянно обернулся, прежде чем дверь гостевой с глухим стуком закрылась.

Внутри Су Линвэнь достала подушку и одеяло, протянула их Линь Тину и коротко бросила:

— Спи.

...

Спустя некоторое время в гостиной Шэнь Чжоую снова уткнулся в документы, но его взгляд то и дело скользил в сторону гостевой.

Су Линвэнь постучала по журнальному столику:

— На что смотришь?

— Зачем ты его притащила? — спросил Шэнь Чжоую.

— Это ребенок моей подруги, ты, наверное, не помнишь.

Су Линвэнь сама не была уверена, поэтому с сомнением спросила:

— Помнишь, как я в детстве водила тебя в гости к одной тете? У нее еще был большой мех и песочница, где вы играли в домики. И был там один малыш. Плакса, такой капризный, но очень красивый. Ты тогда был совсем маленьким, заплетал ему хвостики. Он был такой крошечный, черты лица еще не оформились, выглядел как девочка, вот все его и звали маленькой принцессой.

Честно говоря, Шэнь Чжоую не особо запомнил те события, лишь смутно припоминал пушистый хвостик да заплаканный нос ребенка.

— Мам, оставим детство, — внезапно прервал он ее. — Зачем ты его привезла?

Су Линвэнь вдруг что-то вспомнила, вскочила и поспешила за аптечкой:

— Этот Линь Тин ввязался в драку. Посмотри на его тонкие ручки и ножки, разве он может с кем-то справиться? Его же просто обижают. Когда я его нашла, у него руки были в крови.

— Опять драка? — пробормотал Шэнь Чжоую.

Он встал, забрал у матери аптечку и сказал:

— Мам, я сам схожу. Все-таки мужчина и женщина, тебе там не совсем удобно.

Су Линвэнь замерла:

— Э? Ты... ты... — она поняла, что он прав.

...

Шэнь Чжоую толкнул дверь. В комнате слышалось ровное дыхание — гость уже спал. Шэнь Чжоую ступал бесшумно, подойдя к самой кровати. Линь Тин свернулся калачиком — поза, выдававшая крайнюю степень незащищенности.

Шэнь Чжоую протянул руку и убрал прядь волос, упавшую на лицо Линь Тина. Открылось его бледное, чистое лицо. Хотя Шэнь Чжоую почти ничего не помнил из детства, нельзя было отрицать, что Линь Тин вырос очень красивым.

Скрестив руки, Шэнь Чжоую разглядывал его и вдруг поймал себя на мысли: он был прав, Линь Тин и правда капризный, как и говорила госпожа Су, с самого детства такой. Глядя на нахмуренные брови Линь Тина, он вдруг что-то почувствовал.

Шэнь Чжоую присел на корточки и коснулся пальцами его переносицы:

— Что с тобой? Невесело? Почему тебе так грустно?

От Линь Тина исходило нечто странное, не похожее на обычное состояние — глубокое, почти удушающее отчаяние. Шэнь Чжоую не знал почему, но чувствовал это кожей.

Вдруг Линь Тин медленно открыл глаза. Его еще не сфокусированный взгляд неуклюже пытался уловить свет и тени, но вскоре Шэнь Чжоую накрыл его глаза ладонью.

— Спи, — тихо произнес он. — Ты ничего не видел...

Едва он закончил, как почувствовал легкое щекотание — это ресницы Линь Тина снова опустились. Дыхание гостя выровнялось, а свернувшееся тело расслабилось.

Дождавшись, пока Линь Тин погрузится в глубокий сон, Шэнь Чжоую открыл аптечку, чтобы обработать раны на его ладонях, про себя ворча:

— Дурак, совсем дурак. Драться не умеешь, а все лезешь на рожон.

Тогда Шэнь Чжоую еще не знал, что у Линь Тина, в отличие от Гуань Ся, нет ни старших братьев, ни места, где можно перевести дух. Линь Тин не хотел, чтобы старик Линь волновался за него. А остальные... кажется, никаких остальных и не было.

Линь Тину приходилось справляться со всем в одиночку, поэтому, даже не обладая большой силой, он выработал привычку выглядеть задиристым и воинственным.

<http://bllate.org/book/20020/1975721>